

Четвертый месяц в столице, яркое солнце заливает город. Но за алыми дворцовыми стенами есть уголок, куда никогда не заглядывают лучи.

Он расположен в северо-восточном углу императорского города Да Юй. Если выйти через боковую калитку и пройти через Яньтин, где живут низшие евнухи, то в самом конце вы увидите ту самую комнату. Она невелика: внутри лишь несколько коек да один стол, больше ничего. Из-за того, что она вечно погружена в тень, даже в теплом апреле вокруг дома царит промозглая сырость.

В былые времена, когда в конце сезона набирали новых евнухов, те, кто прошел первый этап отбора, попадали в эту комнату. Глоток снадобья — и если выжил, то идешь служить во дворец, а если нет — заворачивают в циновку и вывозят за городские стены.

Сегодня не был днем набора. Однако в комнате появился новичок...

— Мгх... а-а...

Сдавленный стон просочился сквозь приоткрытую дверь и эхом разнесся по узкому мрачному переулку Яньтина. В голосе того, кто издавал эти звуки, слышалось отчаяние человека, которого терзает невыносимая мука.

— Почему это сегодня комната открыта? Еще же не день выдачи снадобья!

— Ты что, не видишь стражников из Министерства наказаний у входа? Говорят, того, кто внутри, притащили прямиком из тюремного застенка!

Несколько юных евнухов, только что вернувшихся со службы, сгруппировались неподалеку и принялись шептаться. Один из них, напустив на себя серьезный вид, проговорил: Я мельком взглянул на него, когда привели — на вид лет семнадцать-восемнадцать. Как думаете, если дать снадобье тому, кто уже сформировался, оно подействует?

— Подействует или нет — вопрос второй, это снадобье нужно, чтобы подавить страсти, оно очень жесткое. Детям лет семи-восьми пить его еще куда ни шло, а в семнадцать-восемнадцать... боюсь, никто не знает, выживет ли человек после такого. — Другой вздохнул: — Грех-то какой!

Не успел он договорить, как кто-то тяжело хлопнул его по плечу. Он вздрогнул, уже собираясь возмутиться, но, обернувшись и узнав пришедшего, поспешно расплылся в улыбке: Евнух Ту, что же вы, уважаемый, решили к нам заглянуть?

— Кого это ты назвал уважаемым? Мне всего двадцать один, я даже моложе тебя на два года!
— Ту Даю слегка стукнул его по голове, не сильно, но ощутимо, и добавил: — Я пришел за человеком.

— За кем же? — поинтересовался кто-то.

— За маленьким господином Цзи.

Услышав имя маленького господина Цзи, все присутствующие замерли. В столице есть лишь один род Цзи, достойный упоминания: семья бывшего великого наставника Цзи Вэньчэна, чей род в прошлом году был полностью повержен. А младший господин из семьи Цзи — это, конечно, Цзи Цинчжоу, любимый сын наставника.

— В прошлом году семью Цзи обвинили в преступлении, третью барышню отправили в официальный дом терпимости, обоих сыновей должны были сослать... Не понимаю, почему этот маленький господин Цзи так помутился рассудком, что вымолил милость служить во дворце, — заговорил кто-то. — Ссылка — дело тяжелое, но ведь был хоть какой-то шанс сохранить род Цзи. А уйти во дворец... не значит ли это прервать родовую линию?

— Да что ты понимаешь! Маленький господин Цзи всегда рос в неге, выедь он за пределы столицы — боюсь, еще до места ссылки сгинул бы по дороге, — отрезал Ту Даю. — Служба во дворце... пусть это снадобье и лишает возможности продолжить род, зато позволяет сохранить жизнь.

К тому же, это средство лишь делает мужчину бесстрастным и неспособным к близости — это куда лучше, чем способы прежних династий, когда лишали самого мужского достоинства. По крайней мере, всё на месте, просто утратило свое предназначение.

Однако... этому маленькому господину Цзи уже семнадцать-восемнадцать, выдержит ли его организм снадобье — большой вопрос. Подумав об этом, Ту Даю перестал тратить время на болтовню с евнухами и зашагал к мрачной комнате.

— Евнух Ту, почему вы пришли лично? — удивился стражник, увидев его.

Ту Даю кивнул и сказал: Мой учитель прислал меня забрать человека.

— Надо же, благородный господин, выросший в богатом доме, теперь даже плечи расправить не может, небось, и подмести-то не способен — неужели Евнух Яо решил лично о нем позаботиться? — спросил стражник.

— Во дворце у нас полно тех, кто может подмести, но таких, кто с детства в чернилах и книгах купался, вряд ли найдется еще хоть один, — ответил Ту Даю.

Откровенно говоря, для человека с таким происхождением стать евнухом — истинное унижение, и вполне естественно, что кто-то решил проявить к нему сочувствие. Если бы это было в правление покойного императора, едва ли кто-то осмелился бы открыто жалеть Цзи Цинчжоу. Но теперь, когда покойный император скончался, а новый взошел на трон, кому есть

дело до подобных мелочей?

Да и кто посмеет сказать слово против, если сам Евнух Яо просит о человеке, учитывая его положение во внутренних покоях?

— Евнух Яо всегда ценил таланты, — сказал стражник и повел Ту Даю внутрь.

Свет в комнате был тусклым, но в полумраке можно было разглядеть лежащего у двери юношу. Он не шевелился, и с первого взгляда было непонятно, жив ли он вообще.

Ту Даю поморщился от сырого, затхлого воздуха и, распахнув дверь пошире, подошел к койке. Увидев лицо юноши, он замер, едва не забыв, как дышать. Он повидал больше половины знатных отпрысков столицы Да Юй, среди которых немало красавцев, но этот маленький господин Цзи поразил его в самое сердце.

Возможно, из-за долгого пребывания в тюрьме Цзи Цинчжоу был слегка худощав, но линия его подбородка была четкой, словно выточенной из камня, что придавало его тонким чертам лица особую остроту. Измученный болью, он в забытьи закусил губу — капли алой крови на бледных губах в сочетании с белизной лица выглядели почти пугающе ярко.

— Ох ты ж... — Ту Даю отвел взгляд и тихо кашлянул: — А он... и впрямь красив.

— Красота не поможет, одна доза снадобья — и все равно... — начал было стражник, но, осознав, что перед ним тоже евнух, запнулся и сменил тон: — Он ведь только что стонал, почему теперь ни звука?

Он машинально протянул руку, чтобы проверить, и лицо его изменилось. Ту Даю, заметив это, приложил пальцы к шее Цзи Цинчжоу, но не почувствовал пульса.

— Неужели... умер? — поразился Ту Даю.

— Судьба... — выдохнул стражник и бросился к выходу звать людей из Министерства наказаний. Если человек скончался в этой комнате, нужно официальное заключение, ведь он прибыл из тюрьмы.

Юные евнухи, выглядывавшие из-за углов, поняли, что дело плохо. Подумали: лучше бы этому маленькому господину Цзи отправиться в ссылку, там хоть был шанс на выживание. А теперь он не прошел даже через этот первый этап.

Но тут произошло то, чего никто не ожидал.

Когда люди из Министерства наказаний вошли внутрь, намереваясь осмотреть тело, тот, у кого

еще мгновение назад не было дыхания, внезапно очнулся. Люди в комнате переглянулись, пребывая в полном замешательстве.

А сам Цзи Цинчжоу, только что «оживший», был в еще большем недоумении.

Ведь еще секунду назад он погиб в автокатастрофе в современном мире, и никак не ожидал открыть глаза в совершенно ином месте.

— Раз человек жив, а снадобье он выпил у нас на глазах, пусть Евнух Ту забирает его, — сказал чиновник из Министерства наказаний, кивнув Ту Даю. Заполнив бумаги, они удалились.

Ту Даю воспользовался моментом и снова посмотрел на Цзи Цинчжоу. Юноша выглядел растерянным, в его ясных глазах читалась тревога, словно у олененка, попавшего в капкан. Почувствовав на себе взгляд, Цзи Цинчжоу повернул голову и спросил: Кто вы?

Ту Даю, привыкший к лести и почестям как ученик Евнуха Яо, не сразу нашелся с ответом. Но стражник, обладавший должной смекалкой, поспешил пояснить: Это Евнух Ту, ученик Евнуха Яо из Палаты евнухов.

Евнух Яо? Евнух Ту?

В голове Цзи Цинчжоу молнией пронеслись мысли, и он мгновенно вспомнил роман, который читал не так давно. Он случайно наткнулся на книгу, где злодей носил то же имя, что и он сам, и из любопытства прочел её. Он смутно помнил, что книжный Цзи Цинчжоу, попав во дворец из-за опалы семьи, благодаря хитрости быстро поднялся по карьерной лестнице и стал Великим управляющим Палаты евнухов.

А Евнуха Яо из книги Цзи Цинчжоу вскоре должен был сместить.

Да и Евнух Ту из книги погиб даже раньше своего учителя.

Цзи Цинчжоу: !!!

Он что... попал в ту самую книгу?

— Ходить можешь? — спросил Ту Даю.

Хотя вопрос был адресован Цзи Цинчжоу, Ту Даю не стал дожидаться ответа и направился к выходу, явно не давая возможности отказаться. Цзи Цинчжоу пришлось собрать последние силы, чтобы подняться и последовать за ним.

Цзи Цинчжоу шел за Ту Даю через узкие переулки Яньтина к боковым воротам дворца. Его сознание было окутано туманом, происходящее казалось сном, и он даже не мог понять, реальность это или нет. Однако физические ощущения были пугающе явными: снадобье действовало так яростно, что каждый шаг отдавался болью во всем теле, словно оно вот-вот рассыплется на части.

Наконец, когда они приблизились к воротам, ноги Цзи Цинчжоу подкосились, и он начал заваливаться. Но Ту Даю, шедший впереди, словно имел глаза на затылке: в тот же миг он обернулся и поддержал его.

— Нелегко быть евнухом, верно? — спросил Ту Даю.

Цзи Цинчжоу замер, не зная, что ответить.

Ту Даю, поддерживая его, смягчил тон: Ты уже взрослый человек, поэтому снадобье лишь временно сделает тебя неспособным к близости. Если в будущем тебе выпадет милость выйти из дворца, вполне возможно, что все функции восстановятся... — совсем не так, как у тех, кто попал сюда детьми и не успел повзрослеть, у них-то даже после отмены снадобья ничего уже не вырастет.

— Как бы там ни было... пока ты жив, есть надежда, — добавил Ту Даю.

Цзи Цинчжоу поднял глаза на солнце, и на его прекрасном лице промелькнула едва заметная улыбка.

Если все это правда, разве это не подарок судьбы? Пусть он стал евнухом, которому «не суждено умереть своей смертью», но он получил второй шанс.

Он жив. И это самое главное...

Цзи Цинчжоу в сопровождении Ту Даю прибыл в уединенный маленький дворик. Он находился в северо-восточном углу дворца, и, несмотря на отдаленность, был очень опрятным.

— По правилам, новоприбывшие евнухи живут в Яньтине. Только когда получишь ранг или начнешь прислуживать в покоях важных господ, тебя поселят в комнаты при дворцах, — объяснил Ту Даю, заводя Цзи Цинчжоу в комнату с западной стороны. — Этот дворик хоть и мал и совсем не примечателен, но... каждый в Палате евнухов мечтает здесь поселиться.

И не просто так: во всем дворце лишь Евнуху Яо было дозволено жить в отдельном дворике, а делить с ним кров мог только его самый доверенный ученик, Ту Даю.

— Отныне будешь жить здесь, а я — в той комнате напротив, — Ту Даю указал на комнату с восточной стороны.

Цзи Цинчжоу удивился — он не ожидал таких почестей в первый же день. Не зря он получил роль злодея. С такой скоростью продвижения он скоро займет главную комнату и сместит Евнуха Яо.

— Мой учитель намерен тебя продвигать, это великая удача, о которой многие лишь мечтают, — сказал Ту Даю.

Цзи Цинчжоу заметил, что Ту Даю, хоть и казался поначалу холодным, на самом деле довольно терпелив. По крайней мере, Цзи Цинчжоу чувствовал, что от него не исходит злобы, скорее — жалость. Все-таки сын бывшего великого наставника, оказавшийся в таком положении, действительно вызывал сочувствие.

— Иди умойся и переоденься, — Ту Даю достал с кушетки стопку заранее подготовленной одежды и протянул её Цзи Цинчжоу.

Тот кивнул и принял вещи. Он все еще был в тюремной робе, пропахшей сыростью застенков, и чувствовал себя крайне неудобно.

Сидя в большой купальне и глядя на свое отражение в воде, Цзи Цинчжоу наконец поверил, что этот мир реален. Юноша в отражении был точь-в-точь он сам, только чересчур худощав, а на лице — ни кровинки, болезненная бледность.

Хотя шок от попадания в книгу был велик, он понимал: сейчас нужно сосредоточиться на важном, а не тратить время на эмоции.

Раз уж он прожил вторую жизнь, нужно распорядиться ею мудро. Самое радостное — он читал эту книгу и знает развитие событий. А значит, если он будет избегать поступков оригинала, не станет претендовать на место Евнуха Яо и не будет строить козней, возможно, ему удастся изменить финал и прожить жизнь в спокойствии.

И даже... как говорил Ту Даю, однажды сбежать из дворца и снова стать обычным мужчиной.

Приняв это решение, Цзи Цинчжоу почувствовал огромное облегчение. Может, выбиться в люди во дворце и непросто, но неужели он не справится с ролью скромного, неприметного евнуха?

— Тебе идет, — сказал Ту Даю, когда Цзи Цинчжоу вышел из купальни.

На нем была синяя форма евнуха — рангом ниже, чем красная одежда Ту Даю, но гораздо выше, чем серые робы простых слуг.

— Постарайся, и, возможно, скоро сменишь её на красную, — добавил Ту Даю.

Цзи Цинчжоу ответил: У меня пока нет ранга, носить такую форму — значит совершить проступок против правил.

Сказано это было смиренно, но в голосе не было ни страха, ни подобострастия — лишь несвойственная юноше выдержка. Ту Даю, привыкший видеть вечно согнутые спины евнухов, с одобрением посмотрел на него.

— Проголодался? — Ту Даю завел его в комнату, усадил за стол и открыл принесенный ланч-бокс: — Вижу, ты совсем бледный, в тюрьме наверняка намучился, а после лекарства — и подавно...

Он выложил блюда на стол и протянул Цзи Цинчжоу палочки: Я знаком с людьми на Кухне, буду носить тебе еду, чтобы подкрепиться, иначе с таким хилым телом ты и прислуживать не сможешь.

— Благодарю, — Цзи Цинчжоу взял палочки, но не спешил есть.

Даже он, человек не самый проницательный, почувствовал, что Ту Даю проявляет к нему слишком много заботы. К сожалению, в книге Ту Даю погиб слишком рано, о нем было лишь пара упоминаний, и Цзи Цинчжоу даже не знал, чего от него ждать.

— Евнух Ту...

<http://bllate.org/book/21165/2144614>